

значительно. Максим Грек после Вассиана был самым ярким поборником «нестязательности», голос которого не только не умолкал после суда над ним и в малолетство Грозного, но оставался таким же твердым. Актуальность обличений Максима Грека была обусловлена уже тем, что они являлись среди тогдашней публицистики самыми содержательными выступлениями по вопросам монастырской и церковной жизни и вполне отвечали как практической остроте этих вопросов, так и необходимости их широкого освещения. Сочинения Максима, обличающие монашество и духовенство, вошли в сборник Слов, составленный самим автором и при жизни его получили распространение. Настроение общества было подготовлено этими сочинениями. Сознание необходимости реформы как монастырского, так и церковного быта нарастало даже в правящей среде, и жизненность обличений Максима не только в плоскости партийной борьбы «нестязателей» с «иосифлянами», но и в плане касания с острыми социальными противоречиями тогдашней современности — была велика. Культурная близость между Максимом Греком и виднейшими представителями московского боярства первой половины XVI века не заслоняла от взора Максима отрицательных явлений и фактов в деятельности правящих феодалов. Раскрытие их содержат в себе два произведения, относящиеся, как надо думать, к эпохе около 1537 г., т. е. к ранним годам малолетства Грозного, а именно: 1) «Слово о неизглаголанѣмъ божиѣ промыслѣ, благности же и чловѣколюбїи, въ томъ же и на лихоимствующихъ»; 2) «Слово, пространнѣе излагающе съ жалостїю нестроенїя и безчинїя царей и властей послѣдняго житїя». Первое Слово «на лихоимствующихъ» важно как публицистическое выступление против судебных злоупотреблений, совершавшихся правителями на местах. Оно предвзвѣщает губную реформу, ограничения судебных поединков и находит себе живой отзвук в дальнейшем развитии публицистической литературы. Второе произведение, «Слово, пространнѣе излагающе съ жалостїю нестроенїя и безчинїя царей и властей послѣдняго житїя» имеет в виду центральное правительство, т. е. высших представителей верховной власти или тех, кто правит от ее имени. Такая тема делает вполне понятной не только обобщенность изложения данного слова, но и применение иносказательной формы — разговора автора с горько плачущей царственной женой Василией, одетой в траурные одежды и окруженной дикими зверями. Изучение содержания этого Слова в связи с событиями и фактами 30-х годов XVI в. приводит к выводу, что по своей реальной основе оно является аллегорией, изображающей Россию в правление Елены Глинской.